

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Л. Н. Целкова

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия
mselkova@mail.ru*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: И. С. ТУРГЕНЕВ: РУССКАЯ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ: МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ / ГЛ. РЕД. Г. Р. ГАСПАРЯН,
РЕД.-СОСТ. М. Д. АМИРХАНЯН. ЕРЕВАН: ЛУСАБАЦ,
2013. 754 С.**

Сборник «И. С. Тургенев: русская и национальные литературы», созданный на основе материалов научно-практической конференции, представляет собой собрание статей, посвященных великому русскому писателю, чье творчество вот уже на протяжении 150 лет не только не утрачивает своего значения, но проникает во все сферы духовной деятельности читателей многих стран, дает возможность всё нового познания жизни, заставляет задумываться о назначении человека на земле, о загадочных тайнах бытия, о великой русской культуре, достигшей небывалого расцвета в середине XIX века. При знакомстве с этим сборником возникает чувство духовной удовлетворенности и благодарности ко всем, кто составил его содержание, и, конечно, к тем, кто принял участие в организации этой замечательной акции, – прежде всего к Ереванскому государственному лингвистическому университету им. В. Я. Брюсова и лично к профессору М. Д. Амирханяну.

В новом сборнике, несмотря на его выдвинутое в заглавие содержание, есть не только статьи, посвященные рассмотрению произведений двух литератур в сравнительном аспекте. Содержание его значительно богаче. И это одно из главных его достоинств.

Все работы сборника можно разделить по нескольким направлениям, раскрывающим ту или иную проблематику. Это 1) статьи, написанные сутобо в русле сравнительно-сопоставительного метода, их большинство; 2) проблемные статьи, так или

иначе связанные с творчеством И. С. Тургенева; 3) статьи, исследующие литературный быт эпохи, а также статьи мемуарного характера; 4) исследования, посвященные изучению произведений И. С. Тургенева в Армении.

В связи с этим можно предположить, что, разделив статьи по этим четырем направлениям (а не выстроив его по алфавитному списку авторов статей), составители сборника представили бы его в более структурированном виде, появилась бы возможность более четко показать, как выглядит современное тургеневедение, и как следствие, сам сборник не выглядел бы столь разнородно, не являл бы собой подчас случайное соединение работ, обобщенных лишь одним именем великого русского писателя. Такое композиционное решение позволило бы яснее определить те вопросы, которые связаны с научным поиском сегодняшних исследований. Ведь многие из них ведутся в похожем направлении. Например, «О 'чужом' в творчестве И. С. Тургенева» (И. В. Лебедева, М. Морару, М.Х.К. Пелес) и «И. С. Тургенев в системе культурно-исторических координат 'свой / чужой'» (П. А. Карабущенко, И. В. Лебедева, К. Циллес). Это первое предложение, которое напрашивается при знакомстве со столь монументальным трудом.

Расположенные в непосредственной близости, эти работы могли бы в какой-то степени полемизировать друг с другом, продолжать друг друга, развивать разные точки зрения на одну и ту же проблему, а также демонстрировать научную компетентность их авторов. В результате этот очень интересный, многогранный и богатый новыми идеями сборник представляет собой материал, лишь формально соединенный в алфавитном порядке по именам их создателей. Здесь нужно оговориться: в начале книги представлена программа конференции, где все статьи расположены в том виде, в котором они были заявлены на секциях, но эти секции никак не озаглавлены, и это почти не помогает разобраться в огромном материале.

Как важное достоинство сборника необходимо отметить его географическую многогранность и разнообразно представленную научную методологию – можно перечислить города, области, страны, где разрабатываются самые различные научные направления по творчеству Тургенева.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на работах, связанных с направлением *Тургенев и другие писатели*. Оно включает в себя самое большое количество статей. Всякое произведение литературы должно изучаться прежде всего со стороны его

отношения к другим литературным произведениям, считал Александр Николаевич Веселовский. Он имел в виду в первую очередь литературные произведения, принадлежащие к различным национальным литературам. Его «Историческая поэтика» является мощной основой для сегодняшнего литературоведения. В сборнике представлены такие темы, как Тургенев и Германия, Тургенев и Китай, Тургенев и Испания, Тургенев и Италия, Тургенев и Швейцария, Тургенев и Словакия, Тургенев и Армения. Эти работы подтверждают идею Александра Веселовского о том, что история всеобщей литературы – это исторический процесс, не знающий изолированных племен и наций, совершающийся по особым законам и составляющий предмет специальной науки.

На основополагающей идее А. Н. Веселовского основываются многие статьи сборника. В статье «Гетевский дискурс в творчестве И. С. Тургенева» (С. М. Сакиева) автор отмечает обилие реминисценций из Гете в тургеневских романах: «Тургенев, в большей степени, чем кто-либо из великих русских художников, испытавший влияние немецкой философско-поэтической культуры, до конца своих дней оставался ‘закрытым гетеанцем’» (635). Для ответа на вопрос, под чьим влиянием находился Тургенев, автор статьи «‘Искушение Святого Антония’ И. С. Тургенева. Итальянские темы. Некоторые штрихи к теме» (С. Гардзонио) опирается исключительно на воспоминания писателя. Его обстоятельные научные выводы документально подтверждены многими фактами биографии писателя. Прижизненные воспоминания – аспект, несомненно, важный для определения влияний, но всё же не обладающий окончательной истиной. Ответ мы можем получить в полной мере, лишь внимательно изучая произведения писателя и тех, кто повлиял на него. Работа дает нам право выделить «итальянскую тему» как особую среди сравнительного направления при изучении творчества И. С. Тургенева.

Традиционной, но далеко не завершенной можно считать тему *философия Шопенгауэра и творчество Тургенева*. Она открывает всё новые возможности. И подтверждение этому – статья «Литературно-философская мысль И. С. Тургенева в свете иррациональной философии Шопенгауэра» (А. Т. Закариадзе). «Швейцарскую тему» находит в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева Е. А. Саламатова, отмечая жанровую близость между циклом Тургенева и теми произведениями европейских писателей, «которые могли повлиять на появление швейцарской темы в его творчестве» (613).

Сравнение романов И. С. Тургенева с произведениями французской литературы, по-видимому, не будет исчерпано еще долгие годы, о чем свидетельствует статья «Проблема эмансипации в творчестве И. С. Тургенева и Жорж Санд» (Ж. М. Габриелян).

Многие исследования иллюстрируют идею Алексея Веселовского, изложенную им в книге «Западные влияния в новой русской литературе», о том, что, испытав влияния западноевропейской литературы, русская литература сама начала оказывать мощное влияние на развитие мировой литературы. Например, статья «Художественный мир 'Записок охотника' И. С. Тургенева и словацкая литература» (А. Репонь). Она интересна и своим несколько неожиданным ракурсом, который выявляется при определении влияния И. С. Тургенева на словацкую литературу XIX века. Всё, что отрицали русские писатели в своей стране (отсутствие свобод, крепостное право, угнетение народа и т.д.), негативно истолковывалось в Словакии, так как словацкие писатели боготворили Россию (604) и романы Тургенева как часть этой боготворимой ими России. Поэтому критика действительности в России в романах И. С. Тургенева была им неприятна. Тургенев писал, «обмакнув ручку в сарказм и иронию», – заявляя с сожалением писатель А. Трухлый-Сытнянский (605).

В последние десятилетия всё чаще сравнительно-сопоставительный метод используется для исследования поэтики разных авторов, принадлежащих к одной национальной литературе. Компаративизм получает свое расширительное толкование. А главные исследования сосредоточиваются на «интертекстуальном поле». Статьи, посвященные сравнительному анализу И. С. Тургенева с русскими писателями, составляют значительный объем сборника. Это – И. С. Тургенев и А. Н. Плещеев, И. С. Тургенев и В. А. Жуковский, И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и А. П. Чехов, И. С. Тургенев и И. А. Бунин, И. С. Тургенев и Б. Л. Пастернак.

В статье «Тургенев и Жуковский: Два 'Вечера'» (Н. Ж. Ветшева, Л. В. Карпушенко) сравнение двух небольших по объему произведений приводит авторов к глубокому философскому выводу: «у Жуковского при всей меланхоличности вопрошания и ощущении драматизма бытия всегда остается живая вера в Провидения и Творца, у Тургенева преобладает проблематизм существования» (131).

Тема И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский представлена в таких статьях сборника, как «'Униженные и оскорбленные' в драматургии И. С. Тургенева» (И. А. Безирганова), «Образ Тургенева в творчестве Достоевского» (Н. В. Аракелян), «'Дворянское гнездо' Тургенева и роман Достоевского 'Игрок'» (С. А. Кибальник). В статье С. А. Кибальника, одного из ведущих достоевсковедов, много интересных наблюдений, сопоставлений на разных уровнях поэтики – сюжетном, образном, стилистическом. Но, к сожалению, все эти блестящие наблюдения и сопоставления не соединяются какой-то общей идеей. В результате интертекстуальный подход, проникающий на глубинные уровни текста, оказывается малопродуктивным. В финале статьи сделан довольно спорный и ничем не мотивированный вывод: «у истоков всех этих героев Достоевского, конечно же, стоял образ тургеневского Лаврецкого» (351). Тщательное стилистическое исследование, сопоставление на синтаксическом и фразеологическом уровне, какое мы наблюдаем в статье, как будто само приводит к выводу, что в выражении эмоций и страстей Ф. М. Достоевский идет гораздо дальше И. С. Тургенева, доходя иногда до психических изломов, – в то время как выражение иронии И. С. Тургенева по сравнению с иронией Ф. М. Достоевского можно назвать даже целомудренным.

Высокий научный уровень отличает работы, посвященные сравнению творчества И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Это сравнение оказывается очень результативным даже в тех статьях, где заявленная проблематика по масштабу не так велика. Например, в статье «Как Тургенев помогает 'читать' Чехова» (М. Ч. Ларионова) каждое сравнение отличает глубокая продуманность, наблюдения основаны на новом понимании значения того влияния, которое оказал И. С. Тургенев на А. П. Чехова. Отсюда появляются глубокие философские выводы, влекущие за собой новое прочтение чеховских образов, расширяющие традиционные трактовки сложного произведения. Например, «Смерть Гриши – такое же трагическое предвестие гибели сада, как и звук струны, она положила начало целой цепи событий, с которыми не может справиться Раневская. И в Париж она уехала не от легкомыслия, а от горя. И любовник её – это способ забытья. И золотой, отданный прохожему, – форма жертвоприношения умершему ребенку...» (405). Таким образом, нити, которые тянутся к И. С. Тургеневу, увеличивают возможности нового понимания А. П. Чехова.

В статье О. В. Сначиль на разных поэтических уровнях осуществлен сопоставительный анализ «Истории лейтенанта Ергунова» И. С. Тургенева и «Воров» А. П. Чехова, что дает возможность проследить появление и дальнейшее оформление в русской литературе образов «пустых людей», «людей серых, не злых и не добрых, не имеющих четких нравственных ориентиров» (685).

В статье «Драматургические опыты И. С. Тургенева: У истоков театра Чехова» (О. К. Страшкова) И. С. Тургенев прямо рассматривается как предшественник А. П. Чехова, как первооткрыватель многих поэтических приемов. Именно И. С. Тургенев, впервые показавший конфликтность существования человека в размеренном, обыденном течении жизни, по-новому использовавший внутренние монологи, паузы, ремарки в своих пьесах, показавший на сцене некоммуникабельность героев, открывший возможности недоговоренности, молчания на сцене, создающих подтексты и открытые финалы, подготовил театр А. П. Чехова. Автор успешно обозначает новации поэтики тургеневской драмы, получившей свое развитие в творчестве А. П. Чехова. Всё это говорит о плодотворности и перспективности создания литературных вертикалей. Для А. Н. Веселовского важно было прочертить литературные горизонталы, установить связи между разными литературами и разными национальными писателями и таким образом понять, как рождаются и созревают новые художественные формы. Так же важны и сравнения творчества писателей одной литературы, установление развития поэтического новаторства.

Автор исследования «'Тургеневские мотивы' в цикле И. А. Бунина 'Темные аллеи'» (Р. А. Саркисян) сравнивает прозу двух писателей на уровне мотивационных связей, опираясь на повесть И. С. Тургенева «Вешние воды» и рассказ И. А. Бунина «Натали». При этом выявляются множественные стилистические составляющие рассказа И. А. Бунина, которые приобретают признаки имплицитных реминисценций на повесть И. С. Тургенева. Подробное цитирование не делает работу упрощенно-поверхностной, а напротив, свидетельствует о внимательном, вдумчивом отношении к тексту, которое и позволяет автору сделать вывод о том, что именно «в прозаических стихотворениях И. С. Тургенева сосредоточен общий философский контекст цикла 'Темные аллеи': катастрофичность бытия, ужас и страх смерти, невозможность счастья, заключенного в любви» (650).

Внимание к сопоставлению творчества И. А. Бунина и И. С. Тургенева, можно сказать, открывает новую область в сравнительных исследованиях: проза И. С. Тургенева и литература XX века. Иллюстрацией этого направления служат две интересные по своему ракурсу статьи о И. С. Тургеневе и Б. Л. Пастернаке: «Образ Гамлета в творчестве И. С. Тургенева и Б. Л. Пастернака» (С. Г. Захарян) и «Христианская идея в художественном мире И. С. Тургенева и Б. Л. Пастернака» (Т. А. Меликян).

Несмотря на основную заявленную тематику, многие замечательные исследования концентрируются вокруг отдельных произведений, часто обнаруживая новый подход к их изучению. Таким образом, подтверждается положение А. А. Потебни о неисчерпаемости и бездонности подлинно художественного образа. В центре многих исследований вновь центральный роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Это работы «О возрасте и времени в 'Отцах и детях' И. С. Тургенева» (Е. Е. Завьялова), «Роман И. С. Тургенева как источник социолингвистических знаний о дворянском обществе» (Н. А. Басилая), «Близнечный миф в романе И. С. Тургенева 'Отцы и дети'» (Е. Ю. Полтавец) и др. Последняя научная работа, разрабатывающая традиции «близнечного мифа» в рамках неомифологической школы, предваряется многообещающим заявлением: «Мифологическая основа первых четырех романов И. С. Тургенева ждет своего исследователя» (571). И далее перечисляются все возможные мифо-ритуальные основы романов И. С. Тургенева.

Статья С. И. Кормилова, написанная в жанре полемической статьи, – «Базаров не разночинец!», претендует на изменение устоявшихся традиций, на новую трактовку образа Базарова. Восклицательный знак в конце статьи убеждает нас, что автор уверен в том, что ему удастся убедить читателя. В истории русской критики мы знаем еще одну статью с восклицательным знаком. Это статья Д. И. Писарева «Посмотрим!». И так, так ли уж важно для читателей романа, разночинец ли Базаров? Автор подробно рассматривает все упоминания в романе о происхождении Базарова. И приходит к выводу, что привычные определения социальной принадлежности Базарова не находят подтверждения в тексте. Культурно-исторический метод, многими почитаемый за упрощенный, не дающий возможности понять образную специфику произведения, здесь помогает автору доказать свое смелое утверждение. Так, может быть, с дворянским происхождением Базарова связаны и неожиданное проявление тонкости его чувств, и его

скрытый романтизм, и героическое поведение перед смертью? Это утверждение может иметь решающее значение, если даст нам возможность разгадать, наконец, те противоречия, которые таятся в его личности. Может быть, И. С. Тургенев наделил своего героя личными чертами, приведшими его к трагедии? И его «дворянство» может дать нам новое прочтение образа Базарова? Нет, не это самое важное. Главное заявление в последнем абзаце, и оно не вызывает сомнений. Оказывается, что все предыдущие доказательства происхождения Базарова были только для этого вывода: «В 'Отцах и детях' социального противопоставления дворян и разночинцев нет. Оттого автор и не назвал Базарова в романе ни разу ни дворянином, ни разночинцем» (399).

В продолжение статьи С. И. Кормилова следует статья «В гуманитарном контексте эпохи» (В. А. Недзвецкий) – работа об исторической эпохе и ее отражении в произведениях И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и И. А. Гончарова. Она создана исключительно в традициях культурно-исторической школы. По мнению автора, не Полина Виардо явилась причиной проживания И. С. Тургенева в последние годы его жизни за границей, а идеологический разрыв с Россией. Вот и пример разночтений между биографическим и культурно-историческим подходом к трактовке и жизни, и творчества, хотя каждый из этих методов, несомненно, может существовать.

Немногие статьи сборника посвящены исключительно поэтическому анализу текста. Такова статья «Одиночный эпитет в романе И. С. Тургенева 'Рудин' как прием создания образа» (М. Б. Лоскутникова). Удачно найденный ракурс исследования помогает очертить стилистическую палитру И. С. Тургенева, приоткрывает тайну его творческой лаборатории. Автор как будто говорит нам, что в таком филигранном тексте нет ничего случайного, что одно лишь слово, «одиночный» эпитет, может рассказать читателю больше, чем подробный анализ исторической эпохи, открытие неизвестных фактов биографии и исследование литературных влияний. В «одиночном» эпитете можно обнаружить решающую оценку персонажа. «Нахождение одиночного эпитета, раскрывающего суть характера, – прием, который Тургенев, начиная с 1850-х годов, будет всемерно развивать в своей прозе» (421).

К этому исследовательскому ракурсу примыкают статьи «К вопросу о языковой организации текстового пространства романа И. С. Тургенева 'Отцы и дети'» (Н. В. Суворова) и «Стилисти-

ческие средства создания образа в повести И. С. Тургенева 'Ася'» (Г. С. Оганесян). В продолжение исследования «одионого» эпитета во второй статье развивается анализ своеобразия стиля писателя и определяется роль «двойных, тройных определений»: «Описывая персонаж с различных сторон, передавая его внешний вид и в то же время его эмоциональное состояние, писатель использует сцепление эпитетов, объединенных соединительным союзом» (557).

Статья «Реализм и мистика в творчестве И. С. Тургенева» (Э. Б. Тамразян), несмотря на своё фундаментальное заглавие, не отличается особой обширностью привлекаемого материала. Эту тему необходимо развернуть в более подробное исследование. Тогда бы и вывод был не лежащим на поверхности («действительность /.../ дает порой самые фантастические и невероятные сюжеты». 705). Чтобы это понять, не обязательно обращаться к произведениях великих классиков.

Борьбе за чистоту русского языка посвящена статья «'Великий, могучий... русский' в лингвистическом наследии И. С. Тургенева» (И. В. Приорова). Статья изобилует примерами засорений русского языка вульгаризмами, просторечиями, неправильностями в современных СМИ. И здесь само творчество И. С. Тургенева выступает, с одной стороны, как повод для постановки проблемы, а с другой, как некая устойчивая, классическая норма, свидетельствующая о прочном фундаменте русского языка.

«Усадебный текст» как некая поэтическая и научная тема прочно вошел в область литературоведческих исследований. И в первую очередь благодаря творчеству И. С. Тургенева. Рассмотрение четырех его романов проведено в статье «Литературные сады усадебного текста Тургенева» (В. А. Доманский) с привлечением солидных источников, со ссылками на известные работы. В статье можно найти много нового, индивидуального, ранее не замеченного. Например, «Сад не только входит в интимное пространство героя, но и может выступать катализатором его духовных переживаний» (235).

Как очень перспективная выступает тема исследования биографических портретов Тургенева, созданных на протяжении XIX-XX веков. Речь идет не о биографии великого писателя, а именно о его портретах, о биографических очерках, в которых часто создатели отходят от канонических представлений о писателе. Анализ причин обращения двух замечательных литературных деятелей русской эмиграции к жизни И. С. Тургенева

раскрывается в статье «Тургенев в восприятии Б. Зайцева ('Жизнь Тургенева' и А. Ремизова 'Огонь вещей. Сны и предсонье')» (З. А. Чубракова). Эти находящиеся вне России «биографы» чувствуют необходимость обратиться к изучению жизни писателя с похожей на их собственную судьбой – художника, как будто олицетворяющего Россию, но принужденного жить за границей. Автор не просто констатирует позиции двух писателей по отношению к жизни Тургенева, но соединяет их: «Ремизов как бы 'договаривает' Зайцева», привлекая для этого, как и Зайцев, рассказ «Петушков» (724). Возможно, хорошо было бы упомянуть и другие биографические очерки о Тургеневе (Георга Брандеса, А. Соловьева из ЖЗЛ, Флорентия Павленкова и др.).

Биографический ракурс использован и в освещении взаимодействия Н. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Несмотря на изученность темы, в статье «И. С. Тургенев и Н. Н. Толстой: штрихи личного и литературного содружества» (Е. В. Белоусова) дан новый поворот в осмыслении содружества И. С. Тургенева, Н. Н. Толстого и Л. Н. Толстого.

Изучение литературного быта эпохи, обращение к мемуарным свидетельствам – тема очень интересная и подчас захватывающая, но относиться к ней нужно с большой осторожностью. К сожалению, есть статьи, изобилующие некорректными, ненаучными рассуждениями и досадными ошибками, свидетельствами о почти «школьных» пробелах в знаниях их авторов. Это статья «И. С. Тургенев в системе культурно-исторических координат 'свой / чужой'» (П. Л. Карабущенко, И. В. Лебедева, К. Циллес). Сам тон статьи далек от научного. Авторы пишут: «Как известно, И. С. Тургенев тогда поставил Н. А. Некрасову ультиматум: или он, Тургенев, или Добролюбов. Некрасов выбрал последнего. А тот не остановился и раскритиковал еще и культовый роман Тургенева 'Отцы и дети' (1862) – критику не понравился образ Базарова. Обида была столь жгучей, что И. С. Тургенев ушел из 'Современника' и перестал общаться с Некрасовым» (296). Где и когда Н. А. Добролюбов раскритиковал роман «Отцы и дети»? Н. А. Добролюбов умер в 1861 году, за год до выхода романа в свет. Может быть, авторы имели в виду роман «Накануне»? Вся статья – развеселая «экскурсия» не очень грамотного экскурсовода для не очень подготовленных слушателей. Поражает «научная» отвага, с которой авторы берутся за незнакомые им темы.

К сожалению, и весьма уважаемые авторы поддаются таким настроениям – самоуверенно судить свысока, «запанибрата». Например, статья «Тургенев и Толстой: грани жизнетворчества» (И. И. Мурзак и А. Л. Ястребов). Почему мы прощаем Юлию Айхенвальду в его «Силуэтах русских писателей» и полемический задор, и резкость тона, и парадоксальные оценки по отношению ко многим устоявшимся мнениям? Потому что за каждым его выпадом видны глубокие знания, продуманность всех его выводов, уважение к предмету исследования. Самое интересное в приведенной статье – цитаты из книги Б. Зайцева, которые подчеркивают разницу его отношения к И. С. Тургеневу и авторов статьи. Неужели И. С. Тургенев будет понятней, если опираться на воспоминания Б. Н. Чичерина: «Он сам и его близкие рассказывали мне со смехом, что с самой ранней молодости на него по временам находила разная дурь... Затем эта дурь проходила и являлась какая-нибудь другая...» (495)? О чем это? Зачем эти странные цитаты без комментариев, без своего отношения? Вся статья – сумма чужих мнений без всякой переработки. Нужен ли такой реферат по чужим воспоминаниям? Свое мнение у авторов всё же в конечном итоге появляется, и тогда статья приобретает стройность и завершается четкими продуманными выводами.

Эта же тема, но более взвешенно, осторожно развивается в статье «Готическая традиция в творческом сознании Н. С. Лескова и И. С. Тургенева» (Е. А. Макарова). Автор также основывает свои рассуждения на прекрасных работах Б. Зайцева и В. Топорова («Странный Тургенев»), почти полностью попадая под их обаяние.

Музыкальную тему среди статей, посвященных литературному быту и биографии И. С. Тургенева, можно выделить как особую. Это «Тургенев и Полина Виардо» (М. А. Киракосова), «И. С. Тургенев и музыка Бетховена» (М. С. Николаишвили), «Музыка в жизни и творчестве И. С. Тургенева» (П. Б. Осипян) и др. Как видим, исследования о роли музыки в жизни И. С. Тургенева уже не ограничиваются биографическим ракурсом, а переходят в область синтеза искусств, в которой начинают соединяться всё новые и новые его виды.

В своих статьях организаторы конференции подтвердили не случайность их обращения к творчеству И. С. Тургенева. Глубокие традиции лежат в основе связи русской и армянской литератур. Потому с большим удовлетворением читаются такие статьи, как «Тургенев в армянских переводах» (Р. А. Багдасарян),

«Роль и место произведений И. С. Тургенева в армянской школе» (Б. М. Есаджанян, А. М. Амирханян), «Проблемы переводов произведений И. С. Тургенева для детей на армянский язык» (М. М. Гилявян) и др. Очень информативная статья «Тургенев в армянской печати» (К. С. Ханян) раскрывает историю возникновения интереса армянских читателей и переводчиков к творчеству И. С. Тургенева, начиная с 80-х годов XIX века.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы знаменательные даты, связанные с творчеством русских писателей, продолжали всё так же масштабно отмечаться, о чем свидетельствует этот замечательный сборник.

На протяжении ряда лет на базе Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Я. Брюсова (Армения, Ереван) проходят Международные научно-практические конференции на тему «Русская и национальные литературы», сопровождаемые выходом в свет сериального издания:

- Н. В. Гоголь: русская и национальные литературы (2009),
- А. П. Чехов: русская и национальные литературы (2010),
- Л. Н. Толстой: русская и национальные литературы (2010),
- М. Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы (2011),
- Н. А. Некрасов: русская и национальные литературы (2011),
- А. С. Пушкин: русская и национальные литературы (2012),
- А. Н. Островский: русская и национальные литературы (2013),
- И. С. Тургенев: русская и национальные литературы (2013),
- Творчество М. Ю. Лермонтова и диалог культур. К 200-летию со дня рождения поэта (2014),
- М. Е. Салтыков-Щедрин: русская и национальные литературы» (2014).

Название конференции 2015 года – «А. С. Грибоедов: русская и национальные литературы».

Приветствуя высокую духовно-культурную деятельность армянских коллег, желаем всему коллективу ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова дальнейших творческих успехов.